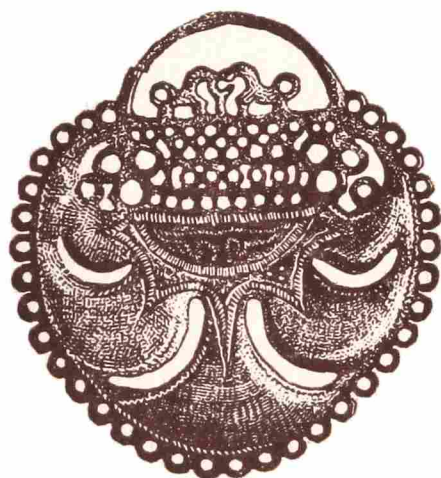

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1976

Ш. Р. ПИДАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ КУШАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АК-КУРГАН В СЕВЕРНОЙ БАКТРИАНЕ

Одной из важных проблем древней истории Средней Азии является вопрос о положении сельского поселения, об аграрных отношениях в деревне. Эта проблема для Средней Азии, в частности для античной Бактрианы, совершенно не изучена, что объясняется отсутствием первоисточников, эпиграфических данных, а также недооценкой археологического изучения остатков самих сельских поселений. Поэтому один из отрядов Бактрийской археологической экспедиции Института археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР, возглавляемой В. М. Массоном, проводил в 1973 г. археологическое изучение небольших поселений кушанского времени, расположенных на территории Северной Бактрианы¹.

Объектом стационарных раскопок было поселение Ак-курган², расположенное в 13 км к юго-западу от г. Шерабада в кишлаке Ходжакия. Тепе имеет подквадратную форму (80×70 м), ориентировано по сторонам света и возвышается над уровнем окружающей местности на 3–4 м. Края тепе сильно изрезаны. Внутренний рельеф тепе довольно ровный с небольшим понижением к центру. Судя по рельефу, поселение имело два въезда. Один из них находился в юго-восточной части, другой в северо-западной.

Перед началом раскопок в юго-западной части тепе был заложен стратиграфический шурф размером 3×2 м. Выяснилось, что мощность культурных слоев здесь достигает 6 м, но на уровне материка выступила грунтовая вода. В шурфе выявлены четыре основных строительных горизонта, которые, судя по керамике, относятся к кушанскому времени, т. е. к I в. до н. э.—IV в. н. э. Говорить о существовании на памятнике греко-бактрийского слоя пока трудно, хотя некоторые керамические формы из шурфа можно отнести к более ранней эпохе. В разрезе, сделанном в северной части тепе с целью выявления крепостной стены поселения, был обнаружен клад монет «варварского Гелиокла». Вся керамика из шурфа и разреза хорошей ремесленной выделки, покрыта красным и коричневым ангобом различных оттенков. Черепок в изломе красновато-розовый, хорошо отмученный и обожженный. Встречены следующие формы: миски, чаши, бокалы, кубки, фрагменты кувшинов и хумов. Среди других находок из шурфа следует отметить терракотовую статуэтку лошади и монету так называемого «безымянного царя».

Для выявления планировки самого верхнего строительного горизонта тепе было подвергнуто сплошному вскрытию. В процессе раскопок выяснилось, что верхний строительный горизонт сильно пострадал от дефляции, в результате чего стены помещений сохранились на небольшую высоту,

¹ В. М. Массон. Изучение кушанских памятников на юге Узбекистана, АО — 1973, М., 1974, стр. 484—486.

² Среди местного населения этот памятник известен еще как и Ялпак-Тепе (Б-19). Памятник был обнаружен археологом Э. В. Ртвеладзе (Э. В. Ртвеладзе. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. Сб. «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 76. К сожалению, описание и размеры тепе приведены в статье неточно).

а местами полностью разрушены. Однако нам удалось выделить на памятнике пять основных хозяйственно-жилых комплексов, которые характеризуют последний период обживания Ак-курмана. Эти комплексы названы условно южный, центральный, северный, восточный и юго-восточный. Друг от друга эти комплексы отделены широкой улицей. Каждый включает в себя ряд многокомнатных домов, состоящих из хозяйственных и жилых помещений (рис. 1).

Ядром поселения был, видимо, «южный» комплекс, включающий помещения 1—16³. Общая площадь комплекса не менее 550 м². В этот комплекс входило большое парадное помещение 1. Это помещение выделяется на фоне других большими размерами (6,75×5,25 м) и толстыми пахсовыми стенами, стоящими на пахсовой платформе. С внутренней стороны помещение было оштукатурено толстой глиняной промазкой с саманом, поверх которой была нанесена еще ганчевая штукатурка, расписанная черной и красной красками. К сожалению, сюжет росписи выяснить не удалось из-за плохой сохранности. Вход в помещение шириной 1,75 м находился почти в середине северной стены. С восточной стороны помещения проходил широкий коридор, как бы отгораживавший помещение 1 с востока, где располагался въезд в поселение. С южной стороны к помещению примыкает еще одно, также изолированное помещение 2. Вход в него расположен со стороны коридора. С южной и западной сторон находились жилые помещения. Выяснить, какие строения расположены к северу от помещения 1 не удалось, ибо этот участок не был вскрыт из-за стоящей здесь тригонометрической вышки. В состав «южного» комплекса входило и помещение 13 с алтарем. В нем у северной стены в центре на пахсовом постаменте, оштукатуренном ганчем, был установлен небольшой ганчевый алтарь. Помещения «южного» комплекса значительно превосходят по размерам и толщине стен комнаты других комплексов. В помещениях часто встречаются хумы, вкопанные в землю по венчик или до половины тулова. По-видимому, в этих хумах хранили зерно.

«Центральный» комплекс состоит из трех небольших групп строений, которые включают помещения 19—35. Общая площадь комплекса, включая двор, составляет 450 м². Две группы строений этого комплекса разделены двором, сплошь выстланным камнем и фрагментами керамики. Третья группа помещений отделена от других групп мощной стеной. Вход в комплекс находился со стороны улицы. Большинство помещений «центрального» комплекса небольшие по размеру. Стены имеют толстую глиняную промазку с саманом. Некоторые помещения поверх глиняной штукатурки имеют ганчевую. Обычно помещения с ганчевой штукатуркой очень небольшие по размеру. В одном из них (20) были найдены четыре целых кувшина, а в помещении 28 — интересный большой овальный керамический сосуд, вкопанный в культурный слой. К западу от сосуда расположена длинная суфообразная площадка, с трех сторон ооконтуренная небольшим валом-бортиком. Сама площадка разделена на три части неглубокими канавками со скатом в сторону сосуда и покрыта алебастром. Это помещение мы условно назвали «винодельней». Винодельня очень похожа по устройству на винодельню Дальверзин-Тепе⁴. В западной части комплекса на краю тепе обнаружено впущенное в культурный слой и сильно разрушенное средневековое погребение. Ориентировка костяка не установлена. Рядом с черепом найдены две золотые серьги.

Немаловажный интерес представляет «северный» комплекс, куда входят 12 помещений (1—12) и коридор. Общая площадь комплекса около 250 м². В отличие от вышеописанных, помещения этого комплекса сосредоточены вокруг длинного коридора, который начинается в небольшом

³ Нумерация помещений комплексов дана по отдельности — в пределах каждого раскопа.

⁴ Г. А. Пугаченкова, Б. А. Тургунов. Исследования Дальверзин-Тепе 1972 г. Сб. «Древняя Бактрия», Л., 1974, стр. 71.

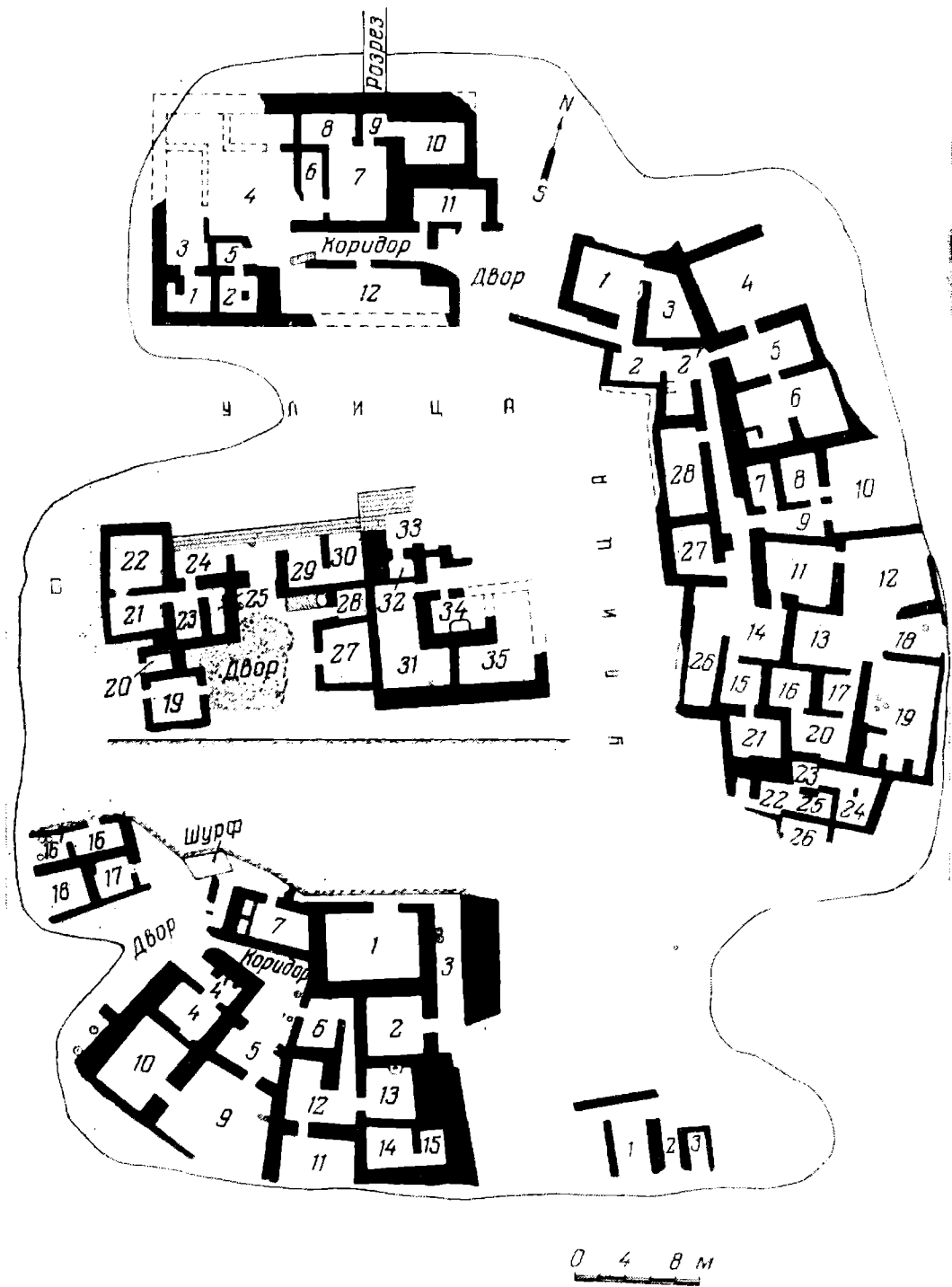

Рис. 1. Общій план раскопок поселений Ак-курган

дворе и кончается большим квадратным помещением 4, самым интересным во всем комплексе. Внутри помещение сплошь заполнено песком, большими продолговатыми, реже круглыми, не обтесанными камнями, которые, судя по всему, служили сырьем для изготовления каменных зернотерок. Здесь же найдено 9 целых зернотерок, а также их обломки. Очевидно, это помещение было своего рода мастерской для изготовления зернотерок и каменных пряслиц. Последние здесь встречены также в большом количестве. Маленькие помещения комплекса, так же как и комнаты центрального комплекса, имеют поверх глиняной штукатурки ганчевую. Коридор длиной около 15 м заполнен золой. В нем найдено много фрагментов терракотовых очажков и котлов, которые, как правило, отсутствуют в помещениях. Это дает основание предположить, что коридор одновременно выполнял и функцию кухни. Зольным слоем заполнен и двор. Северный комплекс дал много монет кушанского и кушано-сасанидского времени.

Помещения «восточного» комплекса (1—29) также сосредоточены вокруг длинного коридора. Общая площадь комплекса около 700 м². Коридор, подобно коридору северного комплекса, заполнен золой. Среди строений «восточного» комплекса следует отметить помещение 19, где найдены три хума, один оригинальный красноощеный кувшин и терракотовая статуэтка Будды. В соседнем помещении найдены три ритуальные курильницы с сильно закопченными резервуарами. В других комплексах находки курильниц отсутствуют.

Юго-восточный комплекс сохранился очень плохо. Здесь выявлены остатки трех прямоугольных помещений, расположенных параллельно, и выходящих в четвертое продолговатое помещение. Находок здесь нет, и не исключено, что эти помещения служили загонем для скота.

Уровень полов во всех комплексах лежит почти на одной высоте, что указывает на их одновременное функционирование. Высота наиболее сохранившейся стены не более 80 см. Толщина внутренних стен до 70 см, а наружных до 2 м. Основным строительным материалом служила битая глина-пахса. Лишь северная наружная стена «центрального» комплекса возведена из сырцового квадратного кирпича размером 32×32×10 см. Часто на раскопе встречались и жженые квадратные кирпичи, но где они использовались, выяснить не удалось. Судя по небольшому размеру помещений, они имели плоское балочное перекрытие. В больших помещениях перекрытия, видимо, опирались и на колонны, базы от которых, по словам местных жителей, часто встречались на территории памятника. Одну из таких баз удалось найти. Ее профилировка не очень сложная. База имеет круглый плинт, пояс, скопию и вал. В верхней части базы, в центре, имеется небольшое округлое углубление, куда ставилась ось колонны.

Внутренняя планировка комплексов подчинена единому заранее продуманному плану. Однако ярко выраженной и характерной для античной архитектуры симметричности нет, она наблюдается лишь в помещениях «северного» комплекса.

Археологический материал, отражающий культуру, быт и занятия жителей поселения в последний период его обживания, довольно разнообразен. Интерес представляют собой терракотовые статуэтки, украшения, костяные шилья, ножи железные, серьги, пряслица и прочие находки. Доминирующее положение среди находок занимает керамика и монеты. Последних на памятнике найдено более 150 экземпляров.

Вся керамика очень хорошего качества, тонкостенна и хорошо обожженная, в изломе черепки имеют красно-розоватый цвет и покрыты различными оттенками красного и коричневого ангоба (рис. 2). Большинство сосудов имеют вертикальное, горизонтальное и сетчатое лощение. Столовая посуда изготовлена на гончарном круге и ее ассортимент довольно разнообразен. Преобладают чаши с характерным перегибом у венчика, кубкообразные чаши, столовые тагора, кувшины и горшки. Кухонная керамика менее разнообразна. Это в основном хумы, крышки, котлы. Очень

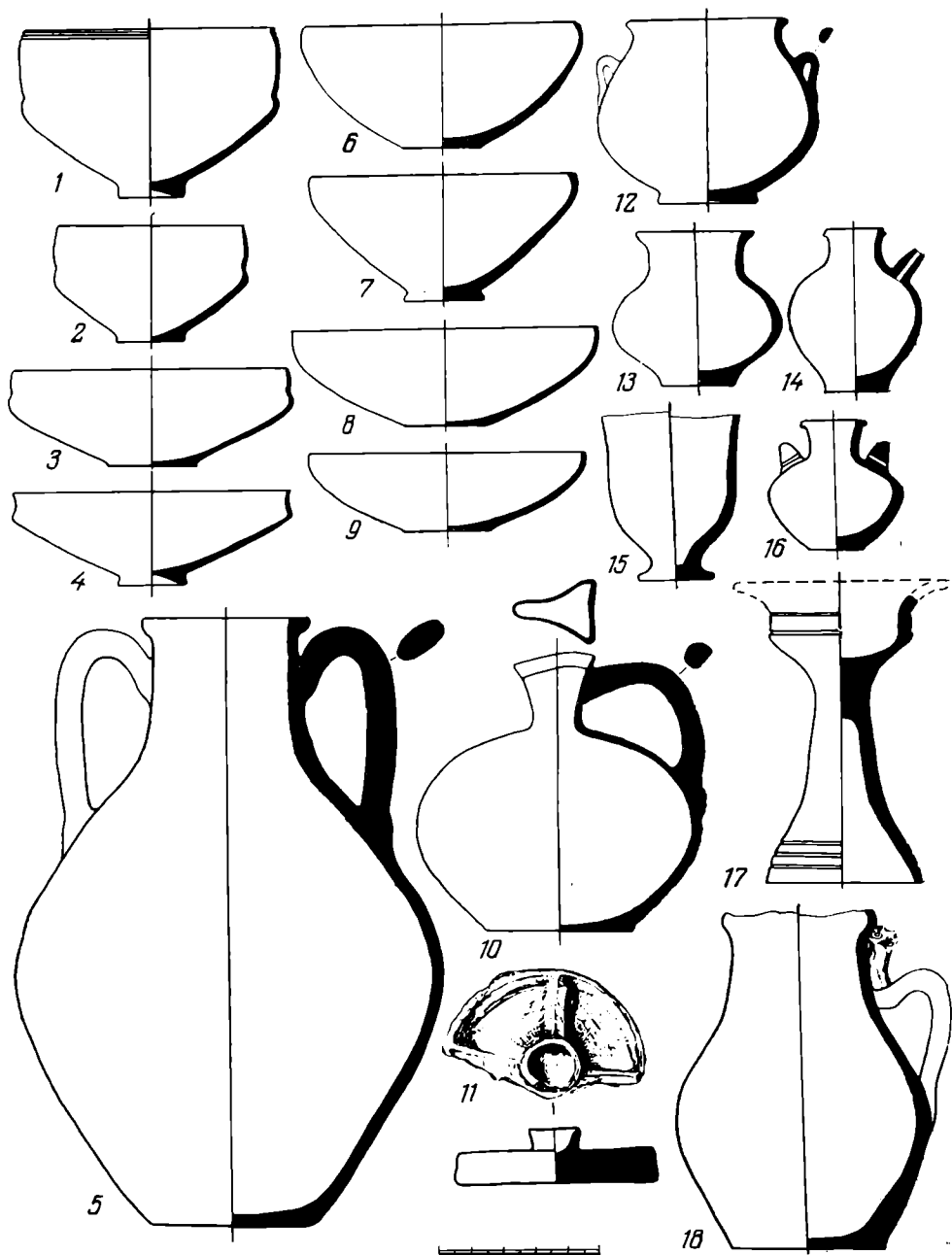

Рис. 2. Керамика верхнего горизонта Ак-курган

интересен фрагмент стенки, видимо, горшкообразного сосуда, обнаруженный в помещении 19 «восточного» комплекса. Черепок в изломе светло-коричневый, снаружи покрыт желтым ангобом. Орнамент нанесен черной краской и имеет вид горизонтальной линии, под которой идет один ряд волнистых полос. Весьма своеобразен и длинный узкогорлый грушеобразный кувшин на устойчивом профилированном пьедестале, который также был обнаружен в помещении 19 восточного комплекса (рис. 3). Черепок в изломе красный, снаружи кувшин покрыт шелушащимся красным ангобом и лощением. Заслуживают особого внимания ручки кувшинов с наклепными изображениями обезьян, хищников и фантастических животных, отличающиеся высоким мастерством изготовления. Часто встречаются тонкостенные чаши с расположенными под венчиком наклепами в виде голов антропоморфизированных львов. Обычно чаши имели три или четыре таких наклепа. Аналогичные антропоморфизированные головы львов

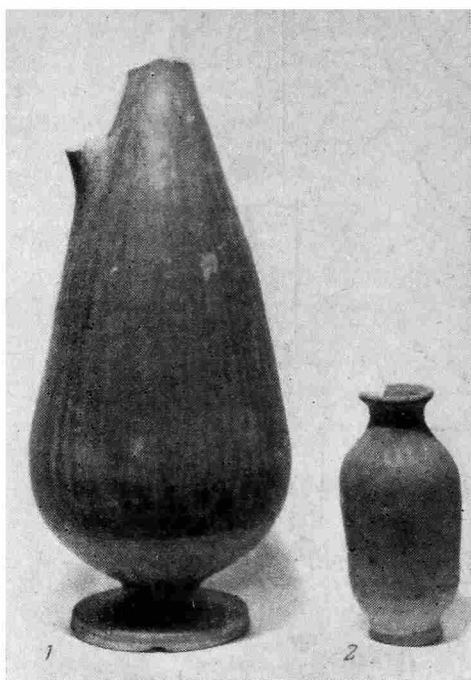

Рис. 3. Керамика верхнего горизонта

городища⁷, Дальверзин-Тепе⁸ и многими другими⁹. Не менее значительное сходство прослеживается и с керамикой Афганистана¹⁰. К сожалению, эти материалы не всегда полно освещены в публикациях. К тому же существуют большие разногласия среди исследователей относительно времени бытования ряда керамических форм.

Терракотовые статуэтки Ак-кургана делятся на две группы: антропоморфные и зооморфные (рис. 4). К первой группе относятся голова богини (рис. 4, 1), статуэтка музыкантши, играющей на четырехструнном инструменте (рис. 4, 2), статуэтка женщины с пышным бюстом (рис. 4, 3). Голова у статуэтки отбита. Само изображение несколько схематично. Женщина левой рукой поддерживает грудь, правая рука прижата к плечу. Самой интересной статуэткой, которая заслуживает особого внимания, является изображение Будды (рис. 5), выполненное в горельефе. Будда облачен в одежду, целиком закрывающую все тело. Вокруг шеи материя лежит

⁵ Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, стр. 18, 19.

⁶ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабадан) (1950—1951 гг.). МИА, 37, 1953, стр. 288, 289; А. М. Мандельштам, С. Б. Певзнер. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1963 гг., МИА, 66, 1958, стр. 288—304.

⁷ Э. А. Юркевич. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, 1965, 4, стр. 161—164; Т. И. Зеймаль. Вахшская долина в древности и в раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Л., 1969, стр. 6, 7.

⁸ Г. А. Пугаченкова. Новое в изучении Дальверзин-Тепе. СА, 1971, 4, стр. 196—203.

⁹ М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Труды ФАН Узбекской ССР, серия I, история, археология, 2. Ташкент, 1945, стр. 35—53; Н. С. Сычева. Сравнительный анализ керамики из комплексов А и Б Кара-Тепе в Старом Термезе. Сообщ. ГМИНВ, I, М., 1969, стр. 68—74; *её же*. Керамика из кельи пещерного храма П — II. Сообщ. ГМИНВ, II, М., 1969, стр. 89—106. В 1973 г. В. А. Козловский, работая в составе Бактрийской археологической экспедиции, производил раскопки на цитадели Старого Термеза, где было получено огромное количество керамики времени кушан, имеющей очень близкие параллели керамике Ак-курган.

¹⁰ R. Ghirshman, *Begram, recherches archeologiques et historiques sur les Kouchans*, MDAFA, v. XII, Caire, 1946, pl. LII—LI; J. C. Gardin. *Ceramiques de Bactres*, MDAFA, XV, Paris, 1957, p. 18—21.

Рис. 4. Терракотовые статуэтки

овальной складкой, а ниже груди треугольной и падает двумя складками, рельефно выделяющимися у запястья. Основание фигуры плоское. В целом иконографический тип Будды аналогичен монументальным скульптурам Будды, известным на территории Бактрии и Индии. Но изображения Будды на горельефе встречаются очень редко. Одна фигурка Будды такого рода известна по Кара-Тепе близ Термеза¹¹. Ко второй группе терракот относятся фигуры баранов (рис. 4, 6), лошадей, всадников (рис. 4, 9–11), голова оленя (рис. 4, 7), леопарда (рис. 4, 12), выполненные с большим мастерством. Изображения реалистичны, фигуры очень эмоциональны, подвижны, даны в поворотах и в движении.

¹¹ В. А. Мешкерис. Терракоты из Кара-тепе. Сб. «Кара-Тепе». М., 1969, стр. 131.

Предварительное изучение нумизматического материала показало, что монеты, происходящие из верхнего слоя, в основном принадлежат чекану кушанского царя Васудевы I и к числу подражаний эмиссии этого правителя. Трудно что-либо сказать до очистки об относительно мелких монетах, которые, судя по внешнему виду, являются кушано-сасанидскими. При раскопках встречены также монеты ранних кушанских царей: Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки и др.

Рис. 5. Статуэтка Будды

На поселении Ак-курган встречены и стеклянные изделия, к сожалению, правда, во фрагментарном виде. Это стенки флакончиков и миниатюрных бутылкообразных сосудов.

Украшения представлены в основном различными бусами: сердоликовыми, пастовыми, стеклянными и др. Имеются бронзовые кольца. Заслуживают особого внимания и костяные шилья, один конец которых украшался нарезным орнаментом.

Помимо вышеописанных находок на раскопе найдено более 30 целых зернотерок, обломки жерновов и пряслиц. Последних на раскопе около 200 экземпляров. Все они различны по фактуре, по размерам и по форме, но преобладают среди них каменные. В целом, базируясь на керамических

и нумизматических материалах, последний период обживания поселения Ак-курган можно отнести к позднекушанскому времени. В эфталитский период поселение, видимо, было уже в руинах, о чем говорит отсутствие материалов этого времени. Позднее в XII или XIII вв. на тепе были сделаны три захоронения. Остатки одного костяка нами обнаружены на территории «центрального» комплекса. Два других погребения расчищены на территории «восточного» комплекса. Один костяк лежит в прямоугольной яме, второй в овальной, обе вырублены в культурном слое. Костяки лежат на спине, лицом вверх, ориентированы головой на юг с небольшим отклонением на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Только в одном из погребений на груди костяка обнаружено бронзовое зеркало. Других находок не сделано.

Таким образом, Ак-курган вырисовывается перед нами как поселение со сложной и интересной планировкой, с богатыми памятниками материальной и духовной культуры. Основным занятием жителей этого поселения были земледелие и скотоводство. Судя по находкам зерен, выращивалась пшеница, ячмень, просо и виноград. Поля орошались водой Шерабаддарьи при помощи канала. Протяженность магистрального канала, на берегу которого расположен Ак-курган и еще 8 других поселений, судя по косвенным данным, составляла не менее 20 км. Головное сооружение канала, судя по топографии, находилось в той части реки, где она выходит на равнину из горных ущелий. Подобное устройство головных сооружений далеко вверх по реке давало возможность самотечному движению воды на поля. Не менее важную роль в жизни жителей поселения играло скотоводство, причем разводили мелкий, крупный рогатый скот и лошадей, о чем свидетельствует обилие костей этих животных на поселении.

Интересно наличие производств, направленных на обеспечение потребностей земледельческого хозяйства, в частности изготовление зернотерок. Керамическую посуду жители, видимо, приобретали на стороне, так как следы гончарного производства отсутствуют. О развитии денежной торговли свидетельствуют находки на поселении огромного количества монет в основном мелкого номинала. Находка более 150 экземпляров монет для такого маленького сельского поселения, каким является Ак-курган, весьма высокая цифра. Это лишний раз указывает на то, что денежное обращение получило широкое распространение в среде всего населения страны и играло важную роль в экономике. Известно, в кушанский период Бактриана занимала первое место по развитию денежного обращения среди других областей Средней Азии¹².

Как мы видели, поселение Ак-курган состояло из нескольких многокомнатных домов, насчитывающих не более четырех-пяти помещений. Судя по характеру планировки и размерам, такие дома принадлежали индивидуальным семьям. Дворы и коридоры, видимо, были общими для нескольких семей. Всего на памятнике раскопаны остатки примерно 15—17 домов. Если считать, что одна семья состоит в среднем из 5—6 членов, то численность жителей поселения будет около 85—100 человек. Их коллективные усилия должны были обеспечивать устойчивое ведение ирригационного земледелия. Вероятно, все население в целом можно рассматривать как общину, не касаясь пока вопроса об ее внутренней структуре. Как уже отмечалось на Ак-кургане выделяется по планировке и убранству «южный» комплекс. Возможно этот комплекс служил жилищем состоятельной семьи — общинного старосты. Вхождение Бактрианы вместе с северными областями Индостана в общественно-политическую систему Кушанской державы позволяет в качестве косвенной аналогии привлекать материалы об общине в древней Индии. Как известно, сельская община в древней Индии играла большую роль и обладала общим пастбищем¹³, а пахотные

¹² В. М. Массон. Денежное хозяйство в древней Средней Азии, ВДИ, 1955, 2, стр. 40.

¹³ Законы Ману. М., 1960, IV, 3; VIII, 237.

земли обрабатывались в основном отдельными семьями и считались их частной собственностью¹⁴, но община контролировала их использование и отчуждение¹⁵. Во главе таких общин в Индии стояли общинные старосты (грамани), должность которых в античный период была наследственной и лишь в общинах, возникающих на царских землях, должность старосты была назначаемой¹⁶.

Рекогносцировочное исследование Южного Узбекистана свидетельствует о том, что памятники типа Ак-кургана, которые, как нам кажется, есть основание рассматривать в качестве общинных поселений, были здесь широко распространены в кушанский период. В частности, изучение Шерабадского оазиса показало, что он именно в кушанское время был густо заселен, причем особенно часто здесь встречаются небольшие поселения типа Ак-курган. Их систематическое изучение несомненно даст ценные вещественные материалы для изучения мало разработанной проблемы — роли и характера общины в структуре кушанской державы.

Ch. P. Pidaiev

QUELQUES DONNÉES SUR LES FOUILLES DE SETTLEMENT
KOUCHANIENNE FAITE A AK-KOURGAN DANS LA BACTRIANE
DU NORD

Résumé

Le présent article expose brièvement les résultats des fouilles effectuées dans la localité d'Ak-kourgane, datant de l'époque de Kouchan, située à 13 km au sud-ouest de Chérad. Ak-kourgane a été presque entièrement fouillé au niveau du plan supérieur des constructions. Ceci a permis d'obtenir un ensemble caractéristique de matériaux archéologiques. On a dégagé les restes de cinq ensembles d'habitations et dépendances, dont chacun comportait des maisons de plusieurs pièces servant de locaux d'habitation et de service. Les matériaux archéologiques qui reflètent la culture, les moeurs et les occupations, sont très variés. Parmi eux se trouvent des ustensiles de table et de cuisine en céramique, plus de 150 pièces de monnaies, des statuettes de terre cuite, y compris une figurine de Bouddha, des bijoux, des couteaux de fer, un peson, un racloir, etc. Le caractère du plan d'Ak-kourgane et l'emplacement des objets qui y ont été recueillis permettent de considérer ce lieu comme l'habitat d'une communauté agricole. En se basant sur l'analogie des pièces de céramique et sur la présence de monnaies kouchaniennes de basse époque et kouchano-sassanides, le niveau supérieur de construction de la localité d'Ak-kourgane peut être daté de la fin de l'époque de Kouchan.

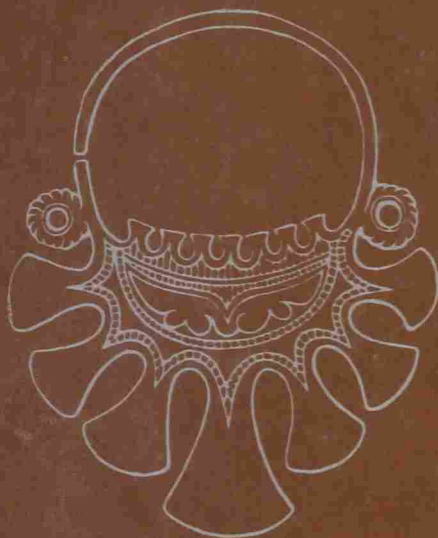
¹⁴ Там же, VIII, 241, 252—264.

¹⁵ «Артхашастра или Наука политики». М.—Л., 1959, III, 9.

¹⁶ Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. М., 1969, стр. 367, см. также Законы Ману, VII, 115.

ISSN 0038-5034

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1991

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

2 219

Ш. Р. ПИДАЕВ

КЕРАМИКА ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА

В научной литературе сложилось представление о Термезе как о крупном политическом, экономическом и культурном центре Бактрии — Тохаристана эпохи античности и средневековья. В это определение большой вклад внесли работы Московского музея восточных культур под руководством Б. П. Денике и в особенности Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона, осуществленные еще в 30—40-е годы. Однако в силу ряда обстоятельств масштабы археологических раскопок на городище в это время были ограничены. Выводы, к которым пришли исследователи, базировались в основном на подъемном материале, визуальных наблюдениях и сведениях письменных источников. В последние годы некоторые исследователи стали относить Термез к числу небольших провинциальных городков кушанского времени, полагая, что его основная часть была освоена лишь в период развитого средневековья. В частности, Л. И. Альбаум считает, что Термез в кушанский период занимал лишь цитадель, Дунье-тепа и еще ряд строений [1, с. 9]. Выводы эти были умозрительными, так как Л. И. Альбаумом не производились археолого-стратиграфические исследования городища. Небольшие стратиграфические шурфы и разрезы, заложенные в разные годы В. А. Козловским, как будто подкрепляли это предположение. Однако здесь следует отметить, что не все шурфы и разрезы были опущены до материкового слоя. Многие шурфы не были доведены В. А. Козловским до материка ввиду того, что уже верхние слои не дали ожидаемых результатов. Лишь в одном

Таблица 1

Химический состав керамики греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза

№ п. п.	Форма керамики, шифр образца	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	CaO
1	Чаша с закругленным внутрь венчиком, XII гор.	52,36	23,61	4,81	4,49
2	Чаша с Т-образным венчиком, XII гор.	50,93	23,36	6,62	5,30
3	Чаша с клювовидным венчиком, XII гор.	50,92	24,00	7,01	6,55
4	Цилиндро-конический кубок, XII гор.	55,92	22,45	5,84	3,82
5	Чаша с Т-образным венчиком, XII гор.	55,60	23,34	6,29	5,96
6	Чаша с закругленным внутрь венчиком, XIII гор.	53,77	23,36	6,80	6,55
7	Венчик кувшина, XIII гор.	51,40	22,54	7,25	5,93
8	Кубок, XIII гор.	54,80	23,60	6,06	2,65
9	Чаша с Т-образным венчиком, XIII гор.	53,91	22,69	6,11	5,42
10	Чаша с клювовидным венчиком, XIV гор.	51,40	23,76	7,24	6,57
11	Чаша с закругленным внутрь венчиком, XIV гор.	51,99	21,75	6,27	6,03
12	Венчик кувшина, XIV гор.	52,68	22,60	7,03	6,95
13	Чаша с Т-образным венчиком, XV гор.	50,60	20,85	11,75	6,03
14	Чаша с клювовидным венчиком, XV гор.	53,60	26,84	6,75	3,24

* П. П. П — потеря при прокаливании

© Ш. Р. Пидаяев, 1991 г.

шурфе на территории цитадели он углубился до материкового слоя и проследил здесь 11 культурных слоев, древнейший из которых относится к греко-бактрийскому времени [2, с. 30—39]. К сожалению, материалы этого времени были представлены в очень небольшом количестве, и к тому же, как нам кажется, они перемешаны здесь с материалами более позднего времени. Поэтому подробная характеристика керамики Термеза греко-бактрийского времени на основании этих материалов была невозможна.

Учитывая большую роль Термеза для изучения истории формирования и развития городов Средней Азии, в 1980 г. при Институте археологии АН УзССР был создан специальный отряд по изучению истории и культуры Термеза, первоочередной задачей которого стали исследование стратиграфии городища, определение времени его возникновения и развития в различные исторические периоды. С этой целью нами в восточной части цитадели Старого Термеза был заложен стратиграфический шурф размером 6×10 м (в нижней части — 17 м²), ориентированный по сторонам света. В нем было выявлено 15 строительных горизонтов общей мощностью 14,1 м. Четыре нижних горизонта мощностью 2,5 м относятся к греко-бактрийскому времени, причем три из них сопровождаются архитектурными остатками.

Первый строительный горизонт (XV строительный горизонт сверху) был обнаружен на глубине 10 см XXVII яруса. С этим слоем связаны остатки стены, которая была расчищена в северо-восточной части шурфа. Стена сильно разрушена; она была сложена из сырцовых квадратных кирпичей размерами 37×37×15 и 38×38×15 см на земляно-песчаном слое. Стена была обмазана глиной и сохранилась на высоту 24 см. Уровень пола довольно хорошо читается на всей площади шурфа. Под полом зафиксирован песчано-земляной слой, толщина которого 15—20 см. Под этим слоем обнаружен материковый слой, представленный твердым песчаником сероватого цвета. Судя по всему, песчано-земляной слой был специально насыпан для нивелировки поверхности материка, чтобы подготовить ровную площадку для строительства. Следующий слой (XIV культурный слой, XXV—XXVI ярусы) лежит прямо на руинах предшествующего периода, разделяет их тонкая прослойка из лёсса темно-коричневого цвета. Архитектурных остатков, связанных с этим слоем, не обнаружено. Толщина культурного слоя — до 70 см. На всей площади этот слой представлен в виде золы и гумуса. В юго-восточном углу шурфа зачищен бадраб, имеющий в плане овальную форму. Ствол бадраба прорубил нижний строительный горизонт и частично — материковый слой. Верхняя часть бадраба состоит из зольного слоя толщиной 50—70 см, внизу — из гумуса.

Этот слой дал очень выразительный керамический материал, среди которого имеются и археологически целые формы, и очень интересная статуэтка из

MgO	Na ₂ O	R ₂ O	П. П. П.*	MnO	TiO ₂	SO ₃	Сумма компонентов
2,41	3,10	3,62	5,26	0,12	Нет	Следы	99,68
3,79	3,42	2,44	3,28	0,10			99,24
2,81	3,44	2,41	2,84	0,13			100,11
1,95	4,02	1,50	3,57	0,06			99,13
3,15	1,43	0,95	2,66	0,17			99,59
2,98	2,52	1,81	2,01	0,12			100,02
3,43	2,60	3,64	2,00	0,11			99,90
2,65	2,25	1,95	5,52	0,08			99,56
2,44	3,15	2,10	3,38	0,11			99,31
4,05	2,20	1,10	3,55	0,06			99,93
2,74	1,67	1,51	8,25	0,11			100,32
3,31	3,20	2,67	1,80	0,11			100,35
3,50	3,21	1,82	2,57	0,13			100,46
3,29	2,64	1,49	3,15	0,08			100,60

слоновой кости.

Третий снизу слой (XIII строительный горизонт сверху, XXIV—XXV ярусы) толщиной 30 см непосредственно подстилает предшествующий слой. Разделяет их пол в виде тонкой утрамбованной земли. Во многих местах на уровне пола зафиксирована зольная прослойка толщиной до 1 см. В центральной части шурфа расчищена пахсовая стена, которая сохранилась на высоту 24 см от уровня пола. Направление стены восток — запад. Основание стены опущено в нижний слой на 20—25 см. Заполнение — лёсс средней плотности, со следами строительных остатков, зольные скопления, угольки, кости и гумусные прослойки. Этот слой также дал хороший керамический материал. В юго-восточном углу шурфа на уровне пола найдены две монеты.

Следующий культурный слой (XII строительный горизонт сверху, XXII—XXIV ярусы) толщиной 89 см включает лёсс темно-коричневого цвета с единичными фрагментами керамики, гумусно-зольными отложениями преимущественно в западной части шурфа. Основной процент керамики был обнаружен именно в гумусно-зольном слое. В западной части шурфа обнаружены остатки стены, сложенной из сырцовых квадратных кирпичей размерами $38 \times 38 \times 14$ см. Стена сохранилась в три ряда кирпичей. Основная ее часть оказалась под стенами шурфа. Уровень пола читается очень хорошо.

Этот слой дал интересный керамический материал, глиняные пряслица дисковидной формы и венчик стеклянного сосуда голубого цвета.

Керамический материал, полученный из описанных слоев, богат и разнообразен. Почти вся керамика, представленная здесь, является продукцией высококвалифицированных мастеров-керамистов и изготовлена на гончарном круге. В изготовлении ряда ведущих форм керамики прослеживается определенная стандартизация. Фрагменты лепной керамики обнаружены здесь в небольшом количестве. Черепок в изломе розовый или светлый, обжиг равномерный, плотный и звонкий. Химический анализ отдельных фрагментов керамики, проведенный в лаборатории Института археологии АН УзССР, показывает, что все они изготовлены из глины высокого качества. Близость химического состава свидетельствует о том, что исходный сырьевой материал, т. е. глина, был взят из одного карьера (табл. 1). Высокое содержание глинозема Al_2O_3 (более 20%) и более низкое присутствие кремнезема — SiO_2 указывают на прекрасное знание термезскими мастерами-керамистами особенностей местных сырьевых ресурсов. Известно, что повышенное содержание глинозема в составе глины при одновременном понижении концентрации SiO_2 приводит к улучшению пластичных свойств глиняной массы и других технологических параметров керамики, позволяющих изготавливать сосуды со сложнопрофилированными стенками. Поэтому неудивительно, что керамические сосуды того периода, несмотря на почти полное отсутствие орнаментации, тем не менее выглядели парадными благодаря изяществу формы.

Основная часть керамики покрыта различными оттенками красно-коричневого ангоба. Керамика со светлым ангобом встречается несколько меньше. Других типов орнаментации здесь пока не зафиксировано. По своему функциональному назначению керамика четко делится на столовую, хозяйственную и кухонную. Основной процент керамики относится к столовой посуде. Ее ассортимент довольно богат. Это кувшины, кубки, чаши, тарелки, бокалы и пр.

Ведущее место среди столовой посуды греко-бактрийского времени Термеза принадлежит чашам, среди которых преобладают чаши полусферической и конической форм. В свою очередь каждая из этих форм имеет ряд вариантов.

1. Полусферические чаши:

а) группа чаш на небольшом плоском поддоне. Стенки их, плавно округляясь, поднимаются вверх и заканчиваются закругленным внутрь венчиком (рис. 1, 4—9; 2, 17—25; 3, 24—28; 4, 18—24). Они покрыты различными

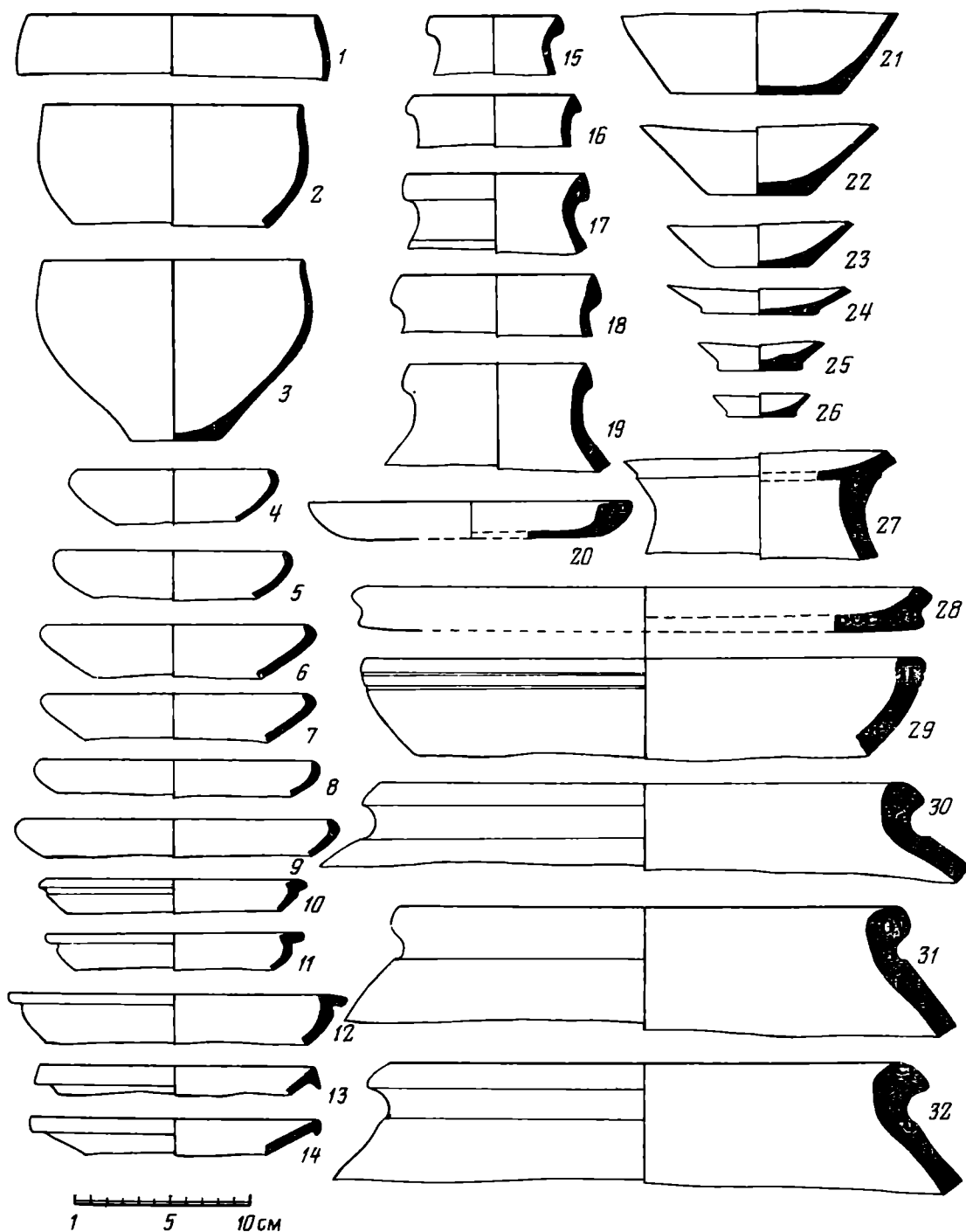

Рис. 1. Керамика первого этапа

оттенками красно-коричневого ангоба, реже — светлым. Ангоб, как правило, плотный. Этот вариант полусферических чаш распространен здесь и встречен во всех четырех горизонтах;

б) полусферические чаши со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 25—28). Все они покрыты красно-коричневым ангобом. Чаши со светлым ангобом не обнаружены;

в) полусферические чаши с Т-образным венчиком (рис. 1, 10—12; 2, 5—11; 3, 6—11; 4, 33—36). Они также покрывались различными оттенками красно-коричневого ангоба реже — светлым;

г) полусферические чаши с Г-образным венчиком (рис. 2, 12; 4, 37). Здесь

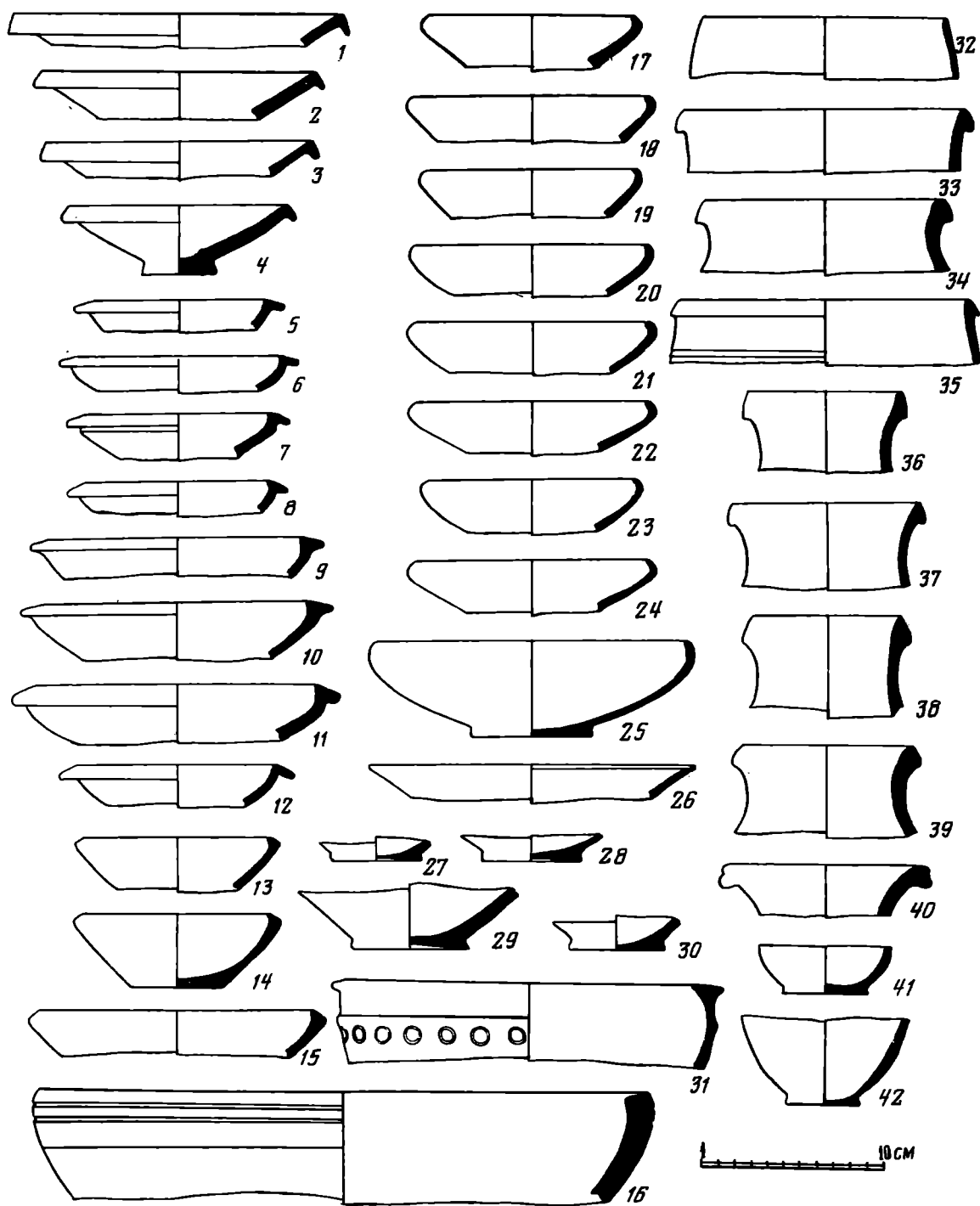

Рис. 2. Керамика второго этапа

следует отметить, что не всегда чаши с Т- и Г-образным венчиком удается определить точно;

д) особое место среди полусферических чаш занимают небольшие чаши на плоском дне, редко — на слегка заметном поддоне с клювовидным венчиком, вогнутым внутрь (рис. 2, 12—14; 3, 12—16. 4, 1—6). Для них обычен красно-коричневый ангоб.

II. Чаши с конической формой:

а) среди чаш этой группы ведущее место занимают чаши с клювовидным венчиком, отогнутым наружу (рис. 1, 13—14; 2, 1—5; 4, 13—15). У одних венчики заостренные, у других — круглые. Обычно они имеют плоский поддон,

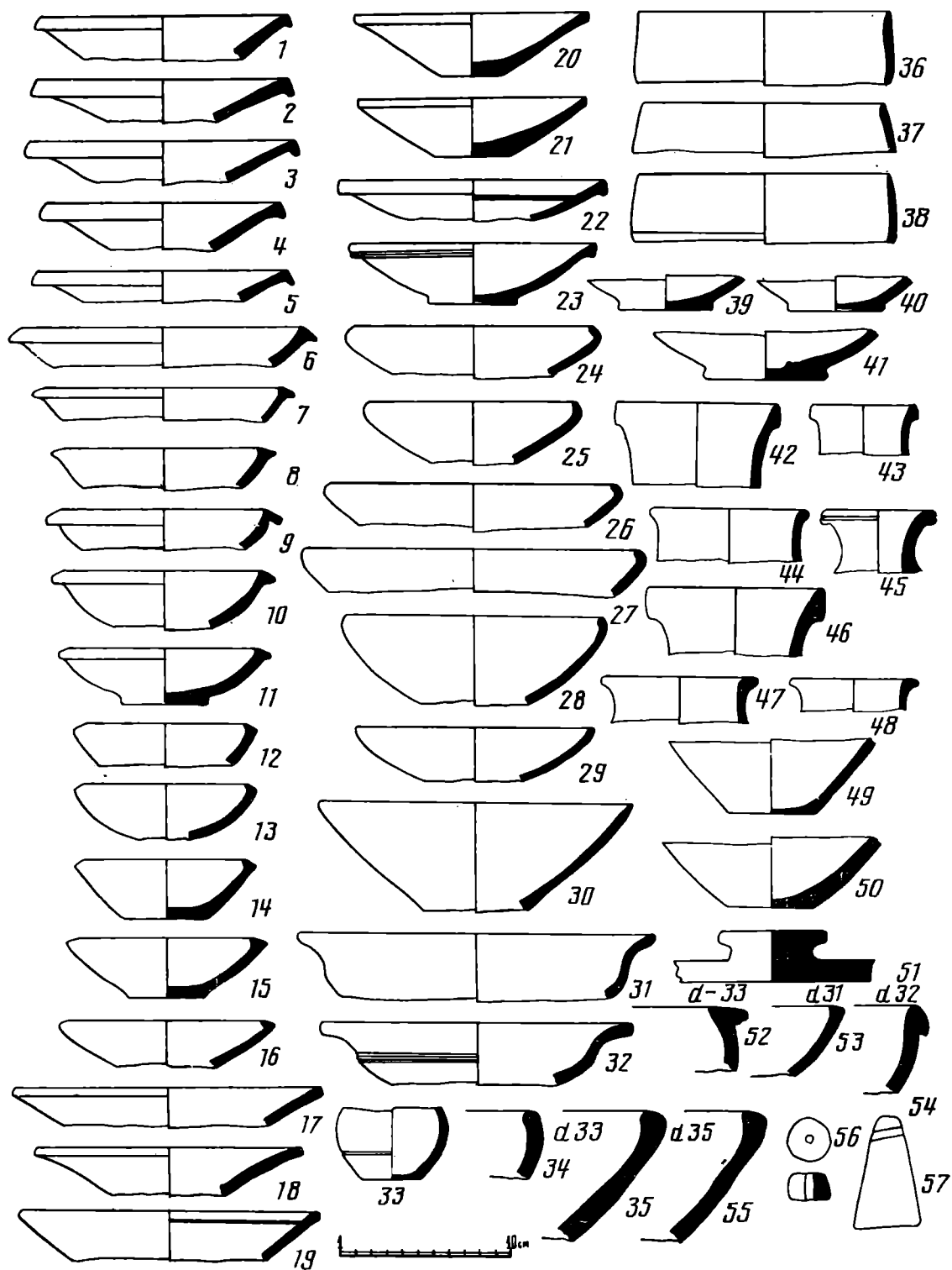

Рис. 3. Керамика третьего этапа

в отдельных случаях отмечены конусообразным выемом, стенки резко расширяются в стороны, образуя конический резервуар, и заканчиваются клювовидным венчиком, отогнутым наружу. Для них характерно углубление в центре резервуара, отделенное небольшим выступом. Они покрыты различными оттенками красно-коричневого ангоба, реже — светлым. Ангобом, как правило, покрывались внутренняя сторона чаши и часть борта снаружи. Они несколько толстостенные и грубоватые;

б) чаши на небольшом поддоне или плоском донце с расходящимся в

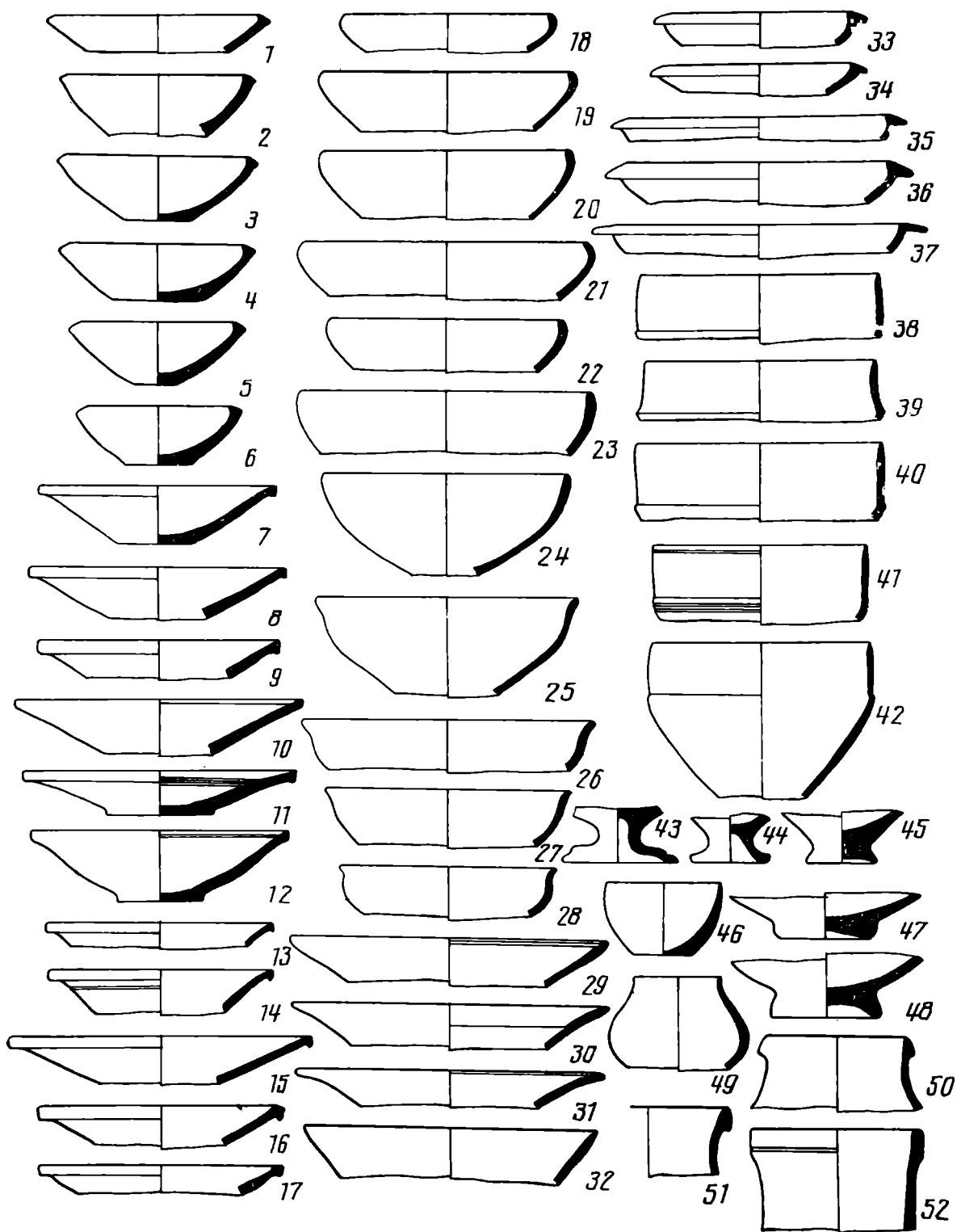

Рис. 4. Керамика четвертого этапа

стороны стенками, образующими конический резервуар. Венчики их в сечении подтреугольной формы (рис. 3, 17—23; 4, 7—12). У отдельных чаш стенки слегка округленные, венчики отогнуты наружу. Эти чаши в основном покрывались красно-коричневым ангобом. Но нередко встречаются здесь и светло-ангобированные, причем у последних тесто обычно светлоглиняное. Одной из характерных особенностей этих чаш является наличие у многих концентрического углубления в центре резервуара.

К этой группе можно условно отнести некоторые чаши, представленные в единичных экземплярах. По внешнему облику они приближаются к полусферическим чашам.

в) тонкостенные чаши с расходящимися в стороны стенками, которые заканчиваются слегка заостренным венчиком (рис. 3, 30; 4, 32). Обычно они глубокие по сравнению с другими чашами;

г) чаши с профилированными венчиками на небольшом поддоне с конусообразным выемом внутри (рис. 4, 16, 17).

Небольшую, но весьма характерную группу керамики составляют кубки. Здесь они представлены двумя типами:

а) кубки на плоском донце, стенки плавно расширяются вверх, образуя округлую форму, и заканчиваются слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 1, 1—3; 2, 32; 3, 36, 37). Эти кубки покрыты светлым ангобом. Черепок в изломе светло-розовый;

б) кубки на небольшом поддоне или ножке, стенки их плавно расширяются вверх, делают резкий перегиб, образуя цилиндро-конический резервуар (рис. 3, 38; 4, 38—42). Как правило, венчики их слегка заострены с внешней стороны, нередко на месте перехвата имеют желобки. Цилиндро-конические кубки сплошь покрыты различными оттенками красно-коричневого ангоба.

Бокалы здесь представлены единичными фрагментами ножек. Они довольно устойчивые и высокие (рис. 4, 44).

Тарелки представлены двумя типами: а) тарелки с развернутым бортом (рис. 3, 31, 32); б) тарелки с уступом внутри (рис. 3, 30, 31).

Оба типа тарелок изготовлены из глины розового цвета и покрыты красно-коричневым ангобом. Отдельные из них в средней части снаружи украшены желобками. Судя по всему, они имели невысокий поддон.

Следующую группу керамики составляют *кувшины*. К сожалению, здесь не найдено ни одной целой формы (рис. 1, 15—19; 2, 32—40; 42—50; 4, 50—52). Все они в основном узкогорлые, донце плоское. Обычно они без ручек, редко встречаются кувшины с одной ручкой. Профилировка их венчиков различна, но преобладают кувшины с подтреугольной формой венчика. Часть кувшинов светлоангобированная, другая часть покрыта красно-коричневым ангобом. Отдельные экземпляры вообще не ангобированы.

Миски представлены в небольшом количестве. Они толстостенные, имеют полусферическую форму с закругленным внутрь венчиком (рис. 1, 29; 2, 16). Верхняя часть венчика снаружи украшена желобками. Обычно внутренняя сторона их покрывалась ангобом.

Тагора — это наиболее распространенная форма среди хозяйственной посуды. Они представлены тремя разновидностями, толстостенные и грубоватые:

а) тагора усеченно-конической формы (рис. 3, 35, 55; 5). Донце плоское, сформовано на песчаной подсыпке, венчики слегка закруглены внутрь;

б) тагора полусферической формы с клювовидным венчиком, отогнутым наружу (рис. 3, 54), встречаются редко;

в) тагора усеченно-конической формы с подтреугольным венчиком.

Хумы и хумча. Эти формы керамики дошли до нас во фрагментах (рис. 1, 30—32; 2, 33—35). Они имеют плоское, слегка выпуклое дно, сформованное на песчаной подсыпке. Венчики их утолщены и выгнуты наружу. Встречено несколько фрагментов хумов с ручной лепкой. Они имеют желобок, выполненный пальцем руки под венчиком.

Котлы представлены единичными фрагментами (рис. 5, 8). Они имеют прямой, слегка профилированный венчик, тулово сфероидное, дно не выделено. Котлы изготовлены из глины с большой примесью песка и дресвы. Одним экземпляром представлена *жаровня*. Она также изготовлена из глины с большой примесью песка и дресвы.

Крышки большие, плоские, с ручкой в центре (рис. 3, 51).

Светильники представлены двумя типами:

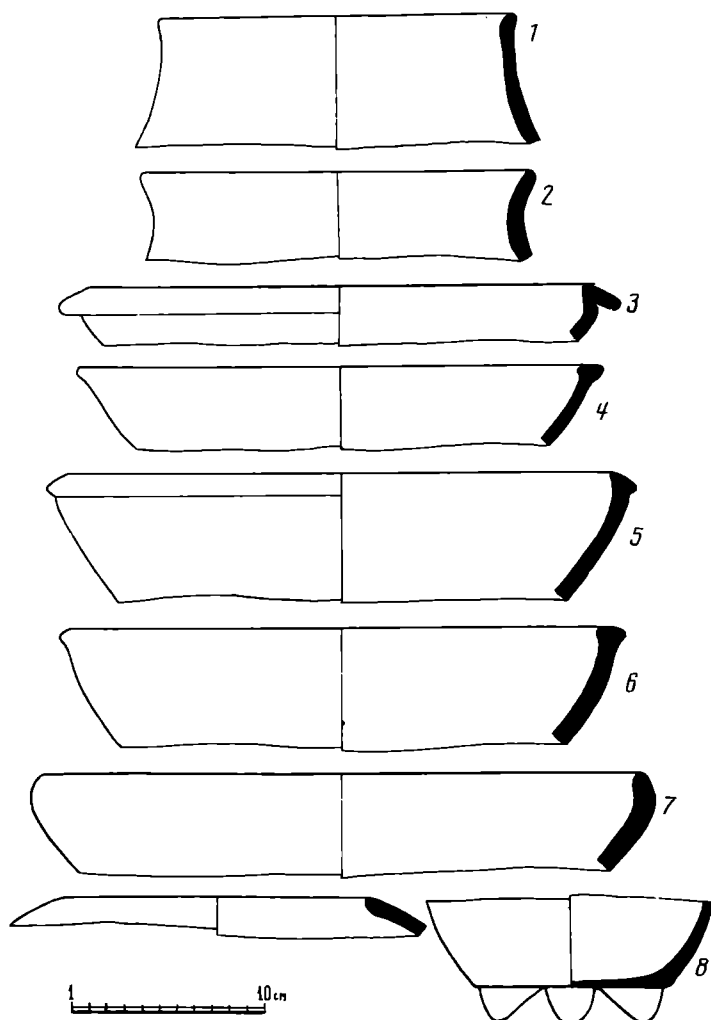

Рис. 5. Керамика четвертого этапа

а) светильники, изготовленные на гончарном круге. Имеют очень изящную форму, вытянуто-закрытую, с носиком (рис. 6). Ручки в виде рогатки изготовлены от руки. Место соединения аккуратно сглажено. Покрываются «светлым» ангобом. Носики закопчены. б) лепные светильники округлой формы, покрытые также светлым ангобом.

Редкие формы. К числу редких форм относятся сосуды типа «кратера». Они имеют Т-образный венчик, полусферическое тулово на высокой устойчивой ножке (рис. 1, 27; 2, 31). Встречены также красноангобированные и светлые экземпляры. Один сосуд этого типа украшен по горловине штампованным концентрическим орнаментом. В эту группу керамики включены миниатюрные чашечки, горшки и кувшинчик на небольшом поддоне.

Небольшую, но весьма характерную группу составляет сероглиняная керамика. Она здесь представлена фрагментами чаш с расширяющимися к венчику стенками, чаш с клювовидным венчиком, отогнутым наружу, стенками и венчиками кувшинов. Отдельные фрагменты сероглиняной керамики покрыты черным ангобом и украшены лощением. Судя по небольшому количеству находок сероглиняной керамики, можно говорить о том, что в греко-бактрийский период производство ее здесь, так же как и в других городах Средней Азии, стало только налаживаться, и поэтому из нее изготовляли только парадную столовую посуду.

Ареал вышеописанной керамики из Старого Термеза довольно широк. Она встречается в Мерве в слоях III—II вв. до н. э. [3, с. 44—58; 4, с. 190—197], более отдаленное сходство находит в античном Хорезме [5, с. 84—144]. В Согде

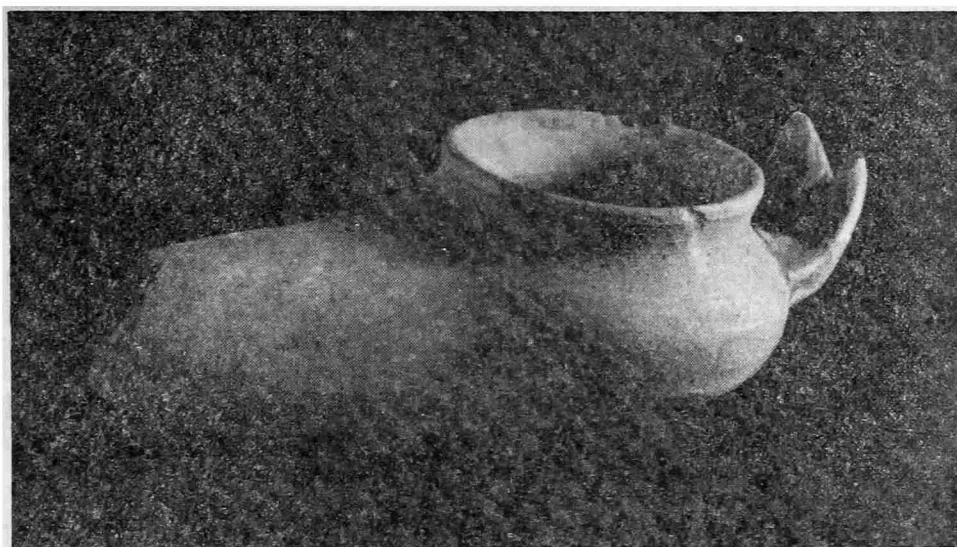

Рис. 6. Светильник, четвертый этап

аналогичная керамика встречается в комплексе Афрасиаб II [6, с. 28—51; 7, с. 60—77], Еркурган [8, с. 42—53] и во многих других. Общность здесь проявляется и в сходстве многих форм, и в технологии их обработки. Вместе с тем между ними имеется ряд различий. В частности, для афрасиабской керамики характерна обработка поверхности сосудов поверх ангоба лощением, чего мы вообще не наблюдаем на термезской керамике. В этом плане керамика из Термеза близка керамике Еркургана и Мерва, где лощение не было характерно для керамики того времени. Но самое близкое сходство термезская керамика обнаруживает в керамических комплексах самой Бактрии III—II вв. до н. э. Это сходство выражается не только в полной идентичности многих ведущих форм, но и в способах оформления поверхности сосудов. В этом плане она находит самые близкие параллели с керамикой Дальверзин-тепа на Средней Сурхандарье [9, с. 144—150; 10, с. 26, 27], что, по всей вероятности, объясняется территориальной близостью этих памятников и общностью культуры. Не менее близкое сходство можно увидеть и в керамике III—II вв. до н. э. из Бактр [11], Джига-тепе греко-бактрийского времени [12, с. 114—118, рис. 2, 3] и Ай-Ханум III—II вв. до н. э. [13, с. 121—118] юга Бактрии.

При всем этом термезской керамике присущи и некоторые отличия. В частности, в Термезе, так же как и на Дальверзин-тепа, чаши на кольцевом поддоне представлены единичными фрагментами. К тому же они появляются только на последних этапах греко-бактрийского времени, в то время как кольцевой поддон занимает ведущее место в керамике Ай-Ханум [13, с. 134]. В Ай-Ханум кувшины в основном одноручные, а в Термезе они единичны. Здесь они в основном без ручек. В этом плане термезская керамика опять же более близка керамике Дальверзин-тепа, где кувшины в основном встречаются без ручек [9, с. 145]. На Дальверзин-тепе и в Ай-Ханум вообще отсутствуют чаши с клювовидным венчиком, вогнутым вовнутрь, которые занимают одно из ведущих мест в керамическом комплексе Старого Термеза. В то же время в керамическом комплексе Старого Термеза сероглиняная керамика, так же как и на Дальверзин-тепа, представлена в небольшом количестве, а для керамики Ай-Ханум она обычна. Лощение в ай-ханумской керамике занимает ведущее место в обработке поверхности сосудов, а в Термезе отмечены лишь отдельные фрагменты. В данном случае термезская керамика близка дальверзинской, где сосуды с лощением также обнаружены в небольшом количестве [9, с. 145].

В Термезе отсутствует керамика и со штампованным орнаментом, являющимся одним из характерных признаков обработки поверхности ай-ханумской керамики. Еще одной характерной отличительной чертой термезской керамики

век	слой	ВЕДУЩИЕ ФОРМЫ КЕРАМИКИ							
II в. до н. э.	XII								
	XIII								
III в. до н. э.	XIV								
	XV								
IV в. до н. э.									

Рис. 7. Хронологическое и стратиграфическое распределение ведущих форм термезского керамического комплекса

Рис. 8. Приложение к таблице 2

от ай-ханумской является то, что здесь отсутствуют для Ай-Ханум чаши на кольцевом поддоне с плавно расходящимися вверх стенками, заканчивающиеся заостренным венчиком [13, с. 16]

Характерным признаком термезской керамики является и отсутствие бокалов, по крайней мере в начальных стадиях.

Отдельные отличия можно отнести на счет особенностей каждого керамического центра, имеющего свои культурные традиции и каноны в изготовлении керамических изделий с учетом потребностей и вкусов населения данного центра. Но в отношении сероглиняной керамики, лощения и штампа этого сказать нельзя. Здесь, видимо, сказался относительно низкий уровень технологии термезской керамической школы по сравнению со столичными городами, какими являются греческие города Ай-Ханум, Бакт и Афрасиаб, где влияние

эллинистической культуры на все стороны жизни, в том числе и на гончарное производство, по всей вероятности, было более заметным. Со временем и в других городах Средней Азии, в частности в Термезе, производство сероглиняной керамики, лощение поверхности сосудов, украшение ее штампом были налажены, а еще позднее эти приемы получили довольно широкое распространение. Здесь не следует забывать, что изготовление сероглиняной посуды и оформление ее поверхности лощением в Бактрии были известны еще в эпоху бронзы. Поэтому, на наш взгляд, будет правильным говорить о втором их рождении, в котором, возможно, не последнюю роль сыграло влияние эллинистической культуры.

Таким образом, сопоставление термезской керамики с материалами других памятников Бактрии показывает, что она в первую очередь находит аналогии в материалах правобережья Бактрии, далее — с левобережья, в том числе и с Ай-Ханум. Относить все эти различия за счет провинциальности, а схожесть — за сильнейшее культурное воздействие греческих центров, как это полагает А. В. Седов, думаю, не совсем справедливо [15, с. 174]. Получается, что страна, культурные традиции которой уходили в глубь веков, за короткий промежуток времени подавила свои культурные традиции и полностью переориентировалась на греческую культуру. Бесспорно, влияние эллинистической культуры в Бактрии было очень существенным, но оно не было определяющим, тем более в области производства керамики. Но это тема для отдельного исследования.

Заканчивая сопоставительный анализ термезской керамики, мы предлагаем назвать керамический комплекс из правобережья Бактрии кермикой термезского типа, так как на территории правобережья Бактрии этот комплекс в настоящее время хорошо выражен и богато представлен только на городище Старого Термеза.

Несмотря на отмеченные отличия, термезская керамика имеет много общего с керамикой многих крупных керамических центров Средней Азии. Это указывает на большую общность материальной культуры населения, проживающего на огромной территории.

Относительная хронология термезского комплекса на основании приведенных выше сопоставлений определяется III—II вв. до н. э. Не исключено, что отдельные формы могут относиться к концу IV в. до н. э. Весь комплекс можно условно назвать Термез-1. Стратиграфия шурфа позволяет разделить этот керамический комплекс на четыре стратиграфических этапа, различающихся в основном составом керамики, появлением, развитием или исчезновением тех или иных форм, их процентным содержанием (табл. 2). При этом все ведущие формы керамики представлены во всех четырех этапах (рис. 7).

Керамика первого этапа обнаружена в самом низу шурфа (XV горизонт). Набор керамики небольшой: кубки на плоском донце, чаши на небольшом плоском поддоне с закругленным внутрь венчиком с T- и Г-образной профилировкой венчика, чаши с клювовидным венчиком, узкогорлые кувшины на плоском донце с подтреугольным в сечении венчиком, без ручек, фрагмент ножки «кратера», жаровня и венчики лепных хумов с желобком под венчиком. Все они, за исключением хумов и жаровни, изготовлены на гончарном круге. Черепок в изломе светло-розовый, тонкостенный, обжиг равномерный. Почти вся керамика покрыта светлым ангобом, реже — красно-коричневым.

В данном случае относительное обилие керамики со светлым ангобом в нижнем горизонте Старого Термеза, видимо, объясняется тем, что влияние традиций предшествующих периодов было еще весьма заметным. Известно, что для керамики эпохи бронзы и раннего железа Северной Бактрии светлый ангоб был одним из признаков оформления керамики. Появление же красно-коричневого ангоба, возможно, связано с влиянием керамических традиций эллинистической культуры, которая со временем, как это мы видим в последующих этапах, почти полностью вытесняет светлый ангоб. Однако опять же крас-

Процентное содержание различных форм керамики по горизонтам

№	Форма *	Диаметр, см	Высота, см	Горизонт			
				XII	XIII	XIV	XV
1	I	15—16	16	—	2	1	4
2	II	14—16		6**	2,44	1,58	12,50
3	III	12—19	4—6	6,90	2	—	—
4	IV	16—20	4—5	9	10	15	7
5	V	14—19	4—5	10,4	12,20	2,37	21,9
6	VI	12—15	3,5—5	3	6	7	2
7	VII	9—13	4,45	3,4	7,32	11,10	6,25
8	VIII	17—19		6	8	—	—
9	IX	20—21		6,90	9,75	5	2
10	X	20—23		4	5	7,90	6,25
11	XI	19—21		4,60	6,10	3	—
12	XII			8	6	—	—
13	XIII	21—23		9,20	7,23	4,74	—
14	XIV	9—12		4	—	—	—
15	XV			4,60	—	—	—
16	XVI			1	—	—	—
17	Прочие			1,15	2	—	—
				1	2	—	—
				1,15	2,44	1	—
				2	5	1,58	—
				2,30	6,10	4	2
				1	2	6,32	6,25
				1,15	2,44	1	1
				—	1,22	1,58	3,12
				12	9	8	5
				13,80	10,98	12,64	15,62
				11	4	—	—
				12,65	4,88	9	7
				5	8	—	—
				15,75	9,76	14,22	21,90
				14	12	9	2
				16,10	14,64	14,22	6,25
			Итого:	87 экз.	82 экз.	63 экз.	32 экз.

* Формы см. на рис. 8.

** Числитель — количество экземпляров данной формы в горизонте, знаменатель — процент от общего количества.

ный ангоб не является кардинально новым видом оформления керамической посуды. Нам известна прекрасная красноангобированная посуда с памятников эпохи бронзы. Поэтому, видимо, правильно было бы говорить о втором рождении ее, в котором немалую роль сыграло влияние эллинистической культуры. Инновацией является появление таких форм керамики, как чаши с Т- и Г-образным венчиком, чаши с клювовидным венчиком, «кратер» и др. Однако это было не прямое копирование форм и оформления эллинистической керамики. Здесь они были творчески переработаны с учетом местных традиций и вкусов, а также технологического уровня керамико-обжигательного производства.

Керамика первого этапа находит близкие аналогии в керамике первого этапа периода Афрасиаб II [6, рис. 5], Халчаяна (III—II) III в. до н. э. [14, с. 33—36], Дальверзин-тепа [9, с. 144—146], в керамике первого этапа греко-бактрийского времени Джига-тепа [12, с. 114—117] и т. д. На основании аналогии и стратиграфии керамику первого этапа из шурфа можно датировать первой половиной III в. до н. э.

Керамика второго этапа представлена материалами XIV горизонта. Здесь мы видим заметное увеличение ассортимента и количества, хотя продолжают бытовать все ведущие формы первого этапа, профилировка которых становится более четкой и выразительной. Увеличивается обработка сосудов различными оттенками красно-коричневого ангоба. Количество керамики со светлым ангобом несколько уменьшается, но она не исчезает. Появляются новые формы: небольшие полусферические чаши на плоском донце с клювовидным венчиком, вогнутым внутрь, конические чаши с расходящимися в сторону стенками, небольшие кувшинчики на небольшом поддоне. Керамика этого этапа датируется на основании стратиграфии второй половиной III в. до н. э.

Керамика третьего этапа происходит из XIII строительного горизонта шурфа. Здесь продолжают бытовать все формы предшествующих этапов. Вместе с тем появляются и новые формы. В частности, на этом этапе появляются конические чаши на плоском донце с подтреугольным венчиком. Эти чаши, как правило, светлоангобированные. Появляется и новая форма кубков — цилиндро-конические, тарелки с развернутыми бортами. Увеличивается количество полусферических чаш с клювовидным венчиком, вогнутым внутрь, конические чаши с расходящимися в стороны стенками. Профилировка венчиков кувшинов становится более разнообразной. Появляются тагора и сероглиняные чаши. Керамика этого этапа датируется последней четвертью III — первой половиной II в. до н. э. Предложенная дата подтверждается монетными находками. На уровне пола этого горизонта были обнаружены две бронзовые монеты греко-бактрийского царя Евтидема, правившего в 230—200 гг. до н. э. На лицевой стороне этих монет изображен бородатый Геракл вправо. Волосы переданы крупными завитками, нос большой, с горбинкой, усы широкие. На оборотной стороне монеты в центре изображена скачущая вправо лошадь. Вверху и внизу сохранились остатки легенды. В частности, на одной из монет внизу читается имя правителя Евтидема. Сохранилось пять букв: TVΔH ...V.

Керамика четвертого этапа связана с XII строительным горизонтом шурфа. Для керамики этого этапа характерно существование всех ведущих форм керамики предшествующих этапов. Однако профилировка отдельных форм претерпевает некоторые изменения. В частности, венчики полусферических чаш с закругленным внутрь венчиком становятся менее закругленными. Появляются здесь и новые формы керамики. К ним относятся чаши со слегка отогнутым наружу венчиком, тарелки с уступом внутри, бокалы. Последние, судя по количеству находок, еще не получили на этом этапе большого распространения. Они практически отсутствуют и на Ай-Ханум. Это дает основание считать, что бокалы появились не в III в. до н. э., как это считали ранее [16, с. 92—95], а несколько позднее — во II в. до н. э. Количество цилиндро-конических кубков увеличивается. Светлоангобированная керамика полностью исчезает. Диаметр чаш с T- и Г-образными венчиками увеличивается. Также исчезают кубки на плоском поддоне. Керамика этого этапа датируется второй половиной II в. до н. э.

Предложенная выше периодизация керамики греко-бактрийского времени Старого Термеза ни в коей мере не претендует на полное освещение и окончательное решение данного вопроса. Это лишь попытка классификации термезской керамики. Материал, на базе которого был рассмотрен данный вопрос, еще не очень большой, хотя за весь период изучения Старого Термеза фактически это первый такой насыщенный комплекс керамики греко-бактрийского времени, обнаруженный на городище. Поэтому отдельные признаки, учтенные при рассмотрении тех или иных форм керамики, в данном случае могли носить чисто случайный характер, зависящий от особенностей вскрытых участков. Несомненно, что по мере накопления новых материалов с четкой стратиграфией классификация будет дополнена и откорректирована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альбаум Л. И.* Фаяз-тепе как часть буддийского центра Термеза и его история // Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М.: Наука, 1981.
2. *Козловский В. А., Некрасова Е. Г.* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
3. *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва // ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад: Ёлым, 1962.
4. *Усманова З. У.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад: Ёлым, 1963.
5. *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. 1959. Т. IV.
6. *Шишкина Г. В.* Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-П) // Афрасиаб Вып. III. Ташкент: Фан, 1974.
7. *Шишкина Г. В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.
8. *Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х.* Еркурган. Ташкент: Фан, 1984.
9. *Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А.* Керамика Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
10. *Пугаченкова Г. А.* Укрепления нижнего города // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
11. *Gardin J. C.* Ceramiques de Bactres. Т. XV, P.: MDAFA, 1957.
12. *Пидаев Ш. Р.* Керамика Джига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. III. М.: Наука, 1984.
13. *Gardin J. C.* Les ceramiques. Fouilles d'Аi Khanoum. Т. XXI. P.: MDAFA, 1973.
14. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
15. *Седов А. В.* Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Аму-Дарьи // СА. 1984. № 3.
16. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136.

SH. R. PIDAEV

THE POTTERY OF GRECO-BACTRIAN PERIOD FROM STARY TERMEZ FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The article is devoted to the analysis of the pottery collection obtained during the stratigraphic investigations of Stary Termez from the levels of Greco-Bactrian period. The site was one of the large political, economic and cultural centres of ancient Bactria. This work is the first attempt of studying the earliest pottery of Stary Termez, as the levels of this period are investigated here for the first time. The characteristic of all types of vessels is given. The author marked a number of similarities with the pottery of ancient Merv, Khorezm, Sogd and especially with the pottery of Bactria itself of Greco-Bactrian period. A number of specific features of the Stary Termez pottery is noticed. The author outlined four chronological stages basing on the analysis of stratigraphy of the site.